

УДК 340.15

ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Нефедовский Геннадий Викторович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54)
E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru.

Аннотация

В статье рассматривается формирование доктрины симфонии властей на основе идей законодательства Юстиниана. Указывается, что в процессе формирования Византийской модели государственно-конфессиональных отношений на разных этапах симфония властей приобретала особенные черты. Государственная власть мыслилась как власть и церковная, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей носителю верховной власти, ограниченной только религиозно-нравственными нормами.

Ключевые слова: *симфония властей, государственно-конфессиональные отношения, правовые идеалы, византийское государство, государственность, христианство.*

Для современного Российского государства нет более важного вопроса, чем его духовно-нравственные основания, так как именно они формируют ценности традиционной русской культуры. Как известно, именно в Византии Древняя Русь увидела воплощение этих ценностей и получила целый ряд институтов в сфере государственно-конфессиональных отношений. Поэтому вопрос о взаимодействии духовной и светской власти в Византийской империи в условиях современного духовного возрождения России имеет большое значение для юриспруденции.

Многие исследователи слышали о том, что в Византии достигла абсолютного воплощения система симфонии властей, но далеко не все представляют себе в каких сферах общественной жизни, в каком объеме и значении. Особый интерес представляет собой проникновение духовной власти, христианских представлений о благочестии и справедливости в юриспруденцию.

Древний Рим известен своим правовым порядком, римским правом. Римские граждане гордились своим судом, законодательством (в основном прецедентным, казуальным), юристами – адвокатами. Поэтому, с принятием христианства в качестве доступной, а затем и официальной религии Римского государства, произошло постепенное проникновение духовно-нравственных христианских идеалов в правовую сферу [1. С. 15 – 19].

В эпоху до Миланского эдикта христиане первых веков избегали языческих судов, в которых большую роль играли магические, мифологические обряды. Свои конфликты они предпочитали разбирать на суде епископов, так как в языческих судах их вера мешала принятию решений: римское правосудие использовало языческие обряды: воскурение фимиама Фемиде. Поэтому христиане свои конфликты старались решать на основе христианского нравственного закона.

Между тем, римское право всегда играло большую роль в укреплении общегосударственной идентичности Римских граждан, в какой-то степени оно само было сакрализованным принципом построения социальной жизни. Следует иметь в виду, что в языческом Риме верховная власть не стремилась уничтожить местные общины, сохранив их быт и социальную иерархию. Поэтому именно римское право сыграло главную роль в примирении местных и общегосударственных интересов, потребностей [2. С. 15]. Это была своего рода гражданская, светская, рационалистическая религия.

Римское право было связующим звеном для государства. Постепенно шел процесс признания нелатинян римскими гражданами, расширения границ действия *jus latinum* и *jus civitas*, а также права *peregrine*. В 212 году во время правления императора Каракалы все подданные Римской им-

перии получили право римского гражданства. Так, римское право распространилось на всю территорию империи и стало доминирующим, хотя местные обычаи, не противоречащие ему, все еще продолжали существовать и использовались местным населением.

С принятием христианства право стало уже не основным общим идейным первоначалом: политическое единство оказалось скрепленным еще и духовно-нравственным началом, религиозным фундаментом. Христианство связало разные народы – германцев, галлов, испанцев, греков, армян и др. Христианство было разрешено святым императором в 313 году, а уже в 318 эдиктом Константина Великого всякому заинтересованному лицу было позволено переносить, по взаимному согласию с противной стороной, гражданское дело на рассмотрение епископского суда, даже если это дело уже проходило слушания в обычном гражданском суде. Интересно отметить, что решение епископа по таким делам не подлежало обжалованию и пересмотру в высших судебных инстанциях, что было особо выделено и закреплено эдиктом от 5 мая 333 года, который подтвердил безапелляционность епископского решения.

Император Константин «близко к сердцу» воспринимал заповеди Божьи о любви к ближнему, что вызвало целый ряд юридических новелл в период его правления. Во-первых, император в 313, 319, 335 годах вводит три постановления, в которых запрещает доносы под страхом смертной казни. Во-вторых, он запрещает ставить клейма на лица преступников. В-третьих, под влиянием христианства он отменяет распятие как вид смертной казни и дает судьям указание на обязательную замену такого вида наказания как отдание в гладиаторы или на съедение диким зверям [2. С. 18].

Таким образом, история взаимоотношений церкви и государства в Византии берет свое начало с Миланского эдикта императора Константина Великого, изданного в 313 году. Благодаря его принятию открывается новая эпоха в истории права. Как отмечает А. И. Овчинников: «Особое значение он играет для правовых систем самых разных государств, не только христианских. Если для христианской церкви он значим, во-первых, тем, что прекратил почти трехсотлетние гонения на христианскую Церковь и даровал ей равноправие с прочими религиями Римской империи; во-вторых, тем, что заложил фундамент государственно-церковных отношений на долгие столетия, то для права современных государств он значим христианским, нравственным очищением права, его преобразованием и новым этапом развития. Благодаря миланскому эдикту возникает новое право в истории человечества – «человеколюбивое право» [1. С. 15].

В дальнейшем император Константин продолжил установление крепких государственно-церковных связей, так как был уверен, что исключительно вера христианская только способна стать единым фундаментом разноплановой в этническом плане империи. Император разнообразно поддерживал Церковь, вел строительство храмов церкви, заботился о духовенстве. По его повелению в Никее в 325 году был проведен Первый Вселенский Собор, на котором 318 епископов осудили арианскую ересь. Среди его участников были такие знаменитые священники как святитель Николай Чудотворец. При этом, император присутствовал на заседаниях Собора.

С момента установления христианства в качестве официальной религии возникает новый для правоведения феномен государственной кодификации права, состоящего из имперских законов и сочинений римских юристов. Самая масштабная кодификация была связана с именем императора Юстиниана I. Она состояла из ряда книг: во-первых, кодекс Юстиниана, состоящий из 4600 указов и эдиктов императоров от Адриана до Юстиниана, во-вторых, Дигесты, состоящие из отрывков из более 2 тысяч сочинений классических юристов; в-третьих, из Институций, то есть из учебников права в 4 книгах, имеющих нормативный характер. Далее, новеллы императора Юстиниана были добавлены к своду, и в Средние века эта совокупность нормативных установлений получила название *Corpus juris civilis* или «Свод гражданского права». Важнейшей частью Кодекса Юстиниана стало законодательство о христианской Церкви. Уже первая книга Кодекса по-

священа догматам православного христианства, вводная конституция содержит молитву к Святой Троице.

Особо важным, если не сказать центральным, этапом в развитии отношений церкви и государства стали Дигесты Юстиниана, которые представляли собой широкий кодифицированный сборник извлечений из трудов авторитетных римских юристов, ставший важнейшей частью свода римского гражданского права *Corpus iuris civilis*. Дигесты были составлены по приказу византийского императора Юстиниана I в 530 – 533 годах н.э. В преамбуле к шестой новелле Святого императора Юстиниана содержится принцип симфонии властей в Византийской империи: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (συμφωνία)» [З. С. 34]. Последнее слово в этой фразе – симфония, что означает сотрудничество.

По мысли одного из отцов церкви Августина, епископа Гиппонского, церковь и государство – это два противоположных царства, одно из которых Град Небесный, а другое – град земной. И оба этих града оказывают влияние на общество. Существует несколько моделей соотношения церкви и государства: примат Града Небесного (церкви) над законами человеческими; примат государства; симфония (согласие) церковной и светской власти. Об этой симфонии и говорит законодательство Юстиниана.

Время правления Юстиниана I считается новым этапом в развитии Византии и формирования христианской империи на Востоке. В этот период, точнее к его началу, государственность уже осознавалась монолитно христианским государством. А христианский император — уже не епископом только внешних дел церкви, как это сознавал Константин Великий, но и внутренних.

Свою узаконенную власть в церкви Юстиниан воспринимал с большим размахом. Во-первых, он имел право назначать всех патриархов. За папой римским оставлена форма выборов. При этом, Юстиниан мыслил их всех своими органами по управлению церковью. Во-вторых, он позволял себе управлять богословскими спорами. При этом для него руководство богословской мыслью церкви воспринималась как должное. А именно – декретирование в области богословия и проведение в жизнь таких декретов посредством сбора подписей патриархов по отдельности. Такой порядок представлялся многим как угроза соборности.

Юстиниан взял в свои руки управление далеким от стабильности государством, которое было наполнено разнообразными источниками смут и беспорядков. В Константинополе соперничали партии ипподрома и поддерживали оппозицию новому порядку со стороны отвергнутых наследников императора Анастасия. В провинциях многочисленные ошибки в управлении вызывали беспорядки и восстания, власти не чувствовали себя в безопасности. В условиях роста количества обнищавших слоев населения и оскудения налоговых поступлений религиозные споры и дискуссии могли привести к краху государственного режима. Религиозные споры увеличивали внутреннее разделение страны и еще более обострили кризис государства. Требовались серьезные реформы, в том числе в церковной жизни.

Юстиниан по признанию историков был человек набожный. Юстиниан почитал за честь выступить защитником православных догматов. При этом он считал себя сведущим в их содержании и в вопросах веры. Кроме того, статус императора – наместника Бога, его представителя на земле к этому обязывал. Об императоре говорилось как об учителе веры, а политическая ситуация к этому обязывала. Как глава империи он осознавал значимость и важность для безопасности

страны отсутствие религиозных раздоров. Император в течение всего правления был защитником Церкви. От самой Церкви он принимал статус верховного деятеля и учителя [4. С. 234].

Уже на первой странице Дигест можно увидеть проявление его веры в Бога. Начинаются они с главы «О пресвятой Троице и католической вере». Никейский символ веры, текст молитвы повторяется не один раз на страницах Дигест, сопровождаясь анафемами еретикам. Далее идут главы религиозного законодательства, что означает помещение последнего в основу законодательства гражданского или гражданского: «Упование на Бога составляет наше единственное прибежище для существования монархии; в нем спасение нашей души и империи; поэтому подобает, чтобы все наше законодательство вытекало из этого принципа, чтобы он был для него началом, серединой и концом».

Законодательство Юстиниана регулирует церковную жизнь [5. С. 123]. Надлежит избирать священников безупречных, полагает Юстиниан, перечисляя все тонкости этого процесса в деталях: порядок выборов нового епископа, его нравственные качества, гарантии праведности, возраст клириков, требованиям к ним, к монастырской жизни, казне монастырей и т.д. На страницах Дигест можно встретить наставления о поведении клира, инструкции по распоряжению церковными доходами, нормы, устанавливающие ответственность административных сотрудников церквей.

Юрисдикции Церкви и государства, несмотря на единство и симфонию властей, имели самостоятельный характер. Каноническое право получило свое развитие в первые три века христианской эры, до появления Миланского эдикта 313 года, автономно от римского классического права. Главное их различие заключалось в том, что римское право было подчинено формально-логической рациональности и потребностям экономической практики высокоразвитого рабовладельческого строя, а каноническое право регулировало отношения в религиозной, иррациональной сфере. В каноническом праве важнейшим элементом было регулирование деятельности богоустановленного института церкви, которая есть сообщество верных. Относительно неверных следует отметить, что их попадание в поле компетенции Церкви и канонического права происходило только после обращения в Церковь для крещения или покаяния в случае падения в ересь.

Для всех служителей Церкви установлена особая юрисдикция. Светский суд не ведет их дел, напротив, епископу даны особые полномочия контроля над гражданскими, светскими чиновниками. У него привилегии, позволяющие быть особым покровителем бедных, узников, рабов, защитником униженных и угнетенных.

Император оставил после себя огромное количество построек для церкви: в каждом крупном городе империи на его средства была построена Церковь или монастырь. Таким образом, в сфере церковной дисциплины и управления законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Из разрозненных соборных постановлений еще не составилось одного церковного кодекса. Юстиниан в своем «Кодексе» и в «Новеллах» синтезировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я новелла является сводкой всех узаконений о епископах и клириках, 133-я – о монашестве, и т.д. Эти законодательные сводки практически восприняты церковью, как законы церковные. Они положили начало церковному «Номоканону» или «Кормчей». «Мы, – писал Юстиниан в 6-й новелле, – озабочиваемся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве» [3. С. 25]. Историки сообщают, что после восхождения на царство император Юстиниан осуществил преследование язычников эллинов и еретиков и «постановил, что только вера православных христиан признается государственной, и все церкви еретиков отдал православным».

По мнению ряда исследователей, теория симфонии духовной и светской власти в версии Юстиниана является следствием или отзывом на теорию, концепцию государственно-церковных

отношений, сформулированную в конце V – начале VI в. Геласием и Симмахом, которые ставили своей целью доказать главенство власти Церкви над светской в вопросах устройства Церкви, церковной жизни, вероучения, то есть в церковных делах, полагая, что правитель должен кротко и смиренно воспринимать наставления духовенства в вопросах веры. С одной стороны, это было выражением римского клерикализма, который тогда уже существовал, с другой стороны, это было вполне оправдано тем, что наставления адресовались императору Анастасию, который склонялся на сторону монофизитов. Юстиниан переинтерпретирует концепцию государственно-церковных отношений, которую он мог взять у этих римских и некоторых других отцов. Следует не отождествлять священство и Церковь, тогда становится понятным, почему в предисловии к «6-й новелле» Юстиниана говорится не о главенстве духовенства, но о единстве и согласии царства и священства внутри Церкви. Император Юстиниан прекрасно знал православное догматическое богословие, которые тогда уже начало складываться в догматическую систему и не отождествлял духовенство и Церковь. Следует иметь в виду, что слово «Церковь» вообще отсутствует в его предисловии. Церковь понимается им как Богочеловеческий институт, объединяющий христиан, и Юстиниан говорит о дарах Божиих человечеству, т.е. соотношении царства и священства понимается вовсе не как соотношение государства и Церкви, а как соотношение различных властей внутри Церкви. Юстиниан при этом пользуется понятиями Божественного и человеческого. Однако в соответствии с Халкидонским догматом, который здесь как бы экклезиологически прилагается, он говорит о нераздельном единстве и также указывает на общность свойств между Божественным и человеческим. По тексту «6-й новеллы», «царство заботится и о догматах, и о чести священников, и о соблюдении церковных правил», т.е. устраивает предельно широко понимаемую человеческую сторону Церкви.

В его модели симфонии властей обращает на себя внимание разный вес ее частей. Понятие «священство» служит для отражения всех служителей церкви – епископов, священников, диаконов, чтецов, пономарей. По его суждению, «священство служит вещам Божественным», «оно более Божественная часть Церкви», «но это отличие духовенства от прочих членов Церкви относительно», «дело священства – молитва», т.е. предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь Церкви. Но при этом утверждается верховенство царства. В одном из своих законов Юстиниан говорит: «Что же есть более великого, более святого, чем императорское величество?!». В одном из законов, прямо относящемся к церковной жизни («Новелла 133-я» – «О монахах и монахинях и их образе жизни»), Юстиниан говорит в предисловии: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение о всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении поданных. Император – блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Собор и священников утверждает Правую веру» [3. С. 67]. Таким образом, Юстинианова модель симфонии властей представляет собой результат воцерковления государственной власти, которая не мыслила себя вне церкви, не осознавала свою секулярность и индифферентность к вопросам веры, то есть тех характеристик власти, которые возникли в Западной Европе в эпоху Просвещения.

Огромную роль в государственно-конфессиональных отношениях играли институты судебной власти. Светская вертикаль судебной власти завершалась императорским судом на Ипподроме, который просуществовал вплоть до начала XIII века. Церковные суды или епископские суды функционировали для решения споров между священнослужителями, христианами, а также по вопросам, связанным с православной верой, богослужебным делам. Например, церковной юрисдикции подлежали все миряне, включая самого императора, по вопросам вероисповедных и моральных споров. Однажды при Патриархе константинопольском Николае I Мистике на императора Льва VI за его неканонический четвертый брак была наложена епитимия. Однако в одной из

новелл анонимного императора был сформулирован и закреплен принцип: «Наш дворец и казна не подлежат каноническим законам».

Между клириками споры часто были связаны с финансовыми и имущественными конфликтами – они не могли прибегнуть к светскому суду в силу своего сана [6]. Ведь представителям клира нельзя было заниматься какой-либо иной, не церковной деятельностью, например, они не могли выступать защитниками на судах. Принятый епископом правоприменительный акт подлежал реализации государственным чиновником. Однако возможны и светские суды с участием священнослужителей: это было возможно в случаях, когда епископом или священнослужителем оказывался в тяжбе вне своей епархии в столице. Кроме того, в 29 году во время правления императора Ираклия была принята новелла «истец следует юрисдикции ответчика». Уголовные дела с участием епископа или иных клириков рассматривались епископом в случае рядового священнослужителя и патриархом в случае епископата. Если священник или епископ извергался на церковном суде из сана, то впоследствии он подлежал юрисдикции светского суда или суда наместника провинции. На епархиальных соборах рассматривались иски священнослужителей против епископов по церковным делам, а разбирательства между епископами – экзархом диоцеза или патриаршим судом в Константинополе. Церковная вертикаль судов завершалась высшим патриаршим судом, который существовал в Константинополе. На этом суде разбирались тяжбы архиереев [7. С. 181 – 192].

Следует учесть, что пренебрежение церковной юрисдикцией и попытки найти решение в светских судах со стороны клириков подлежали наказанию со стороны Церкви. Однако светские власти не могли в отдельные периоды оказать существенного влияния на внутрицерковные отношения. Между тем, светское право строго наказывало за измену православной вере, секты и ереси государство изживало, а не крещенных поражало в целом ряде прав и свобод.

Подводя итог, отметим, что важной особенностью Византийской государственности был принцип теократии, который, несмотря на цезарепапизм, проявлялся в законотворчестве. В IX веке во время правления Церковью патриарха Фотия духовная власть принимала участие в составлении свода законодательства. Не случайно одним из требований по отношению к кандидатам на должность патриарха было хорошее знание законодательства и церковного и гражданского, а многие патриархи были юристами по образованию и первоначальному роду деятельности. Среди них и патриарх Константинопольский Иоанн III Схоластик (VI в.), и патриарх Антиохийский Феодор IV Вальсамон (XII в.), и патриарх Иоанн VIII Ксифилин. Позднее Церковь еще более стала вникать в дела государственного управления, правотворчества и отправления правосудия. Архивы свидетельствуют о том, что в XIV – XV вв. Константинопольские Патриархи занимались и решали дела из области брачно-семейного, наследственного права, участвовали в составлении сборников церковного и гражданского права. Встречаются и императорские распоряжения о включении архиереев в судебные институты империи: так, император Андроник II Палеолог (1282 – 1328), создавая институт 12 присяжных «вселенских судей ромеев», распорядился включить туда и архиереев. Их юрисдикция, так называемых «вселенских судей», распространялась и на императора, и на семью императора. Таким образом, император становится подсудным.

Затем, впоследствии был учрежден отдельный императорский суд, в который входили также архиереи. Однако эта реформа не была осуществлена ввиду невозможности разрешить огромное количество дел разумные сроки. В одном из указов Андроника III прямо определяется участие Церкви в отпращивании светского правосудия: «Вселенские судьи ромеев избраны и поставлены святою Церковью Божией и моей царственностью», а проводился данный «вселенский суд» в храме Святой Софии в Константинополе.

Литература

1. Овчинников А. И. Миланский эдикт и его роль в формировании ценностей современного права // Философия права, № 3 (58), 2013.
2. Величко А. М. История Византийских императоров в пяти томах. Том I. – М.: Издательство «Фив». 2009.
3. Дигесты Юстиниана. – М., 1984.
4. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке : пер. с фр. / Диль Шарль Мишель. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1908.
5. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. – М., 1956.
6. Медведев И. П. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии XIII – первая половина XV в. – М., 1991.
7. Максимович К. А. Право и церковь // Православная энциклопедия. Т. VIII. – М., 2004.

Nefedovskiy Gennady Victorovich, graduate student, South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: advocate-nefedovskii@mail.ru.

THE IDEA OF THE SYMPHONY OF POWERS IN THE BYZANTINE EMPIRE

Abstract

The article deals with the formation of the doctrine of the authorities symphony based on the ideas of Justinian law. It is stated that during the formation of the Byzantine model of church-state relations in the different stages of the symphony of powers is of particular traits. State power was thought of as the power and the church, which is based on the principle of full power, belonging to the supreme power, limited only by the religious and moral norms.

Keywords: *Symphony of the authorities, state-confessional relations, legal ideals, the Byzantine state, statehood, Christianity.*

УДК 340.1

ПРИМЕРЫ СУБИНСТИТУТОВ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА

Орехов Иван Валерьевич аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Иркутский Институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4)
E-mail: oreh9@mail.ru.

Аннотация

Рассматриваются понятие и критерии выделения субинститутов права. Приводятся примеры существующих и действующих субинститутов в российской системе права. Для выявления субинститутов права проанализированы несколько отраслей системы права Российской Федерации. В статье обосновывается и аргументируется позиция в части отнесения той или иной правовой конструкции к субинституту права. Примеры субинститутов найдены как в отраслях диспозитивной и императивной направленности, так и смешанной.